

Воздух наполнился тишиной, и лишь спустя пару секунд Чжоу-ма спохватилась:

— Что такое?

Цзян Чжаосюэ очнулась, улыбнулась и уже было хотела расспросить подробнее, как на лестнице слышались шаги Цэнь Лубай.

— Ничего, — она покачала головой и полушутя добавила: — Просто папа немного напугал своим суровым видом.

Чжоу-ма ласково рассмеялась.

Цзян Чжаосюэ снова принялась за лепку пельменей и перевела тему:

— Чжоу-ма, посмотрите, как у меня получается?

Чжоу-ма отвлеклась, забыв о том, что собиралась сказать, и, подняв большой палец, с готовностью подыграла:

— Настоящее произведение искусства!

Цзян Чжаосюэ довольно сощурилась.

Шаги Цэнь Лубай становились всё ближе, пока она не остановилась рядом.

Чжоу-ма, словно вредный родитель, дразнящий ребенка, подколола Цэнь Лубай:

— Лубай, посмотри, как лепит Чжаосюэ. Как тебе по сравнению с твоими? — С этими словами она нарочно подвинула пельмень Цзян Чжаосюэ к тем кривым и косым, что успела слепить Цэнь Лубай.

Контраст был плачевным.

Цзян Чжаосюэ едва сдержала улыбку, с редким озорством поглядывая на Цэнь Лубай.

Та, к её удивлению, взглянула на результат, уголки её губ едва заметно дрогнули, и она невозмутимо произнесла:

— Ну, разве что самую малость хуже моих.

Цзян Чжаосюэ: «...»

Уровень мастерства в провокациях явно высок, снимаю шляпу.

Цэнь Лубай, похоже, была польщена её ошеломленным видом, наконец-то усмехнулась, села рядом и негромко добавила:

— Шучу.

Она протянула руку, взяла новую заготовку для теста и, протянув её Цзян Чжаосюэ, попросила:

— Учитель Цзян, научите меня.

С мягкой улыбкой на губах и вкрадчивым тоном она выглядела донельзя серьезной.

Цзян Чжаосюэ заметила, что, несмотря на холодноватое выражение лица, стоило этим глубоким темным глазам сосредоточенно устремиться на неё, как в них проступала нежность и скрытая глубина чувств.

Ресницы Цзян Чжаосюэ дрогнули, она опустила взгляд на тесто, и её уши предательски покраснели.

— Учитель Цзян не берет учеников просто так, — ответила она, принимая заготовку и стараясь сохранить невозмутимость.

Цэнь Лубай подперла подбородок рукой и, не торопясь, спросила:

— И какие же у учителя требования?

Всё происходящее со стороны выглядело как обычное кокетство влюбленных. Чжоу-ма редко видела Цэнь Лубай такой мягкой и расслабленной, поэтому невольно зажмурилась от удовольствия, наблюдая за ними.

Когда начинка почти закончилась, время уже перевалило за полдень. Цэнь Лубай поднялась вымыть руки. Цзян Чжаосюэ с любопытством наблюдала, как та неспешно вытирает руки и берет последнюю пару парных надписей, которые Чжоу-ма не успела расклеить.

Чжоу-ма тоже это заметила и встала, чтобы остановить её:

— Не надо, Лубай, как я могу позволить тебе заниматься таким делом? Я сама скоро всё сделаю.

Цэнь Лубай, не дойдя до кухонного острова, мягко напомнила:

— Лучше займитесь пельменями, иначе не успеем к обеду.

Чжоу-ма замерла на месте.

Цзян Чжаосюэ, проявив чуткость, тоже поднялась и успокоила Чжоу-ма:

— Всё в порядке, Чжоу-ма, мы с Лубай быстро справимся, она сама сказала, что даже стремянка не понадобится.

Помыв руки, Цэнь Лубай, не возражая, осталась ждать её на месте.

Они вместе вышли к той задней двери, где ещё не висели украшения. Цэнь Лубай тонкими пальцами ловко вскрыла упаковку, достала пару надписей и, вручив одну Цзян Чжаосюэ, развернула вторую.

Заметив, насколько уверенно та действует, Цзян Чжаосюэ удивилась:

— Ты умеешь клеить?

Обычно в семье Цэнь этим занимались нанятые люди, и за все годы, что она была знакома с семьей, Цэнь Лубай ни разу не бралась за это сама.

Цэнь Лубай на мгновение замерла и подняла на неё взгляд.

— Нет, не умею, — ответила она. — Поэтому, учитель Цзян, куда клеить: слева или справа?

Спросила она с таким живым интересом, что в её глазах, казалось, заиграли блики.

Цзян Чжаосюэ сразу поняла, что та её подкалывает. Ну ладно, признаю, вопрос был глупый, подумала она про себя, но виду не подала. Подражая манере собеседницы, она сделала серьезное лицо:

— Госпожа Цэнь, я и сама не мастер, так что не знаю.

Цэнь Лубай пристально смотрела на неё пару секунд, а затем опустила голову и тихо рассмеялась.

Этот смех отозвался радостью в сердце Цзян Чжаосюэ. Она больше не стала подшучивать, внимательно изучила иероглифы на надписях, распределила, где какая часть, сняла защитную пленку с клеевого слоя и, подняв руку, приложила бумагу к косяку.

Она попросила Цэнь Лубай проверить, ровно ли получается, успешно приклеила первую часть, а затем и вторую.

Цэнь Лубай скомандовала:

— Ещё немного левее.

Цзян Чжаосюэ, встав на цыпочки, чуть сдвинулась в сторону.

— Вот, теперь почти идеально, — одобрила Цэнь Лубай.

Цзян Чжаосюэ с облегчением прижала надпись к стене.

Дверной проем был высоким, и даже на цыпочках было трудно плотно прижать края бумаги. Как раз когда она собиралась попросить помощи у Цэнь Лубай, она обернулась и буквально врезалась в мягкие объятия, от которых исходил тонкий аромат зрелой женщины.

— Учитель Цзян не только в науках не сильна, но и в рукоделии, — раздался над ухом чистый, нежный голос Цэнь Лубай.

Её теплая ладонь легла поверх пальцев Цзян Чжаосюэ, помогая разгладить бумагу. Тон её был спокойным, но в нём сквозила улыбка.

Сердце Цзян Чжаосюэ пропустило удар, а кончики ушей запылали.

Она убрала руку из-под ладони Цэнь Лубай, и та тут же тактично отстранилась.

— Готово, пошли внутрь, — глядя на неё, невозмутимо произнесла она.

Цзян Чжаосюэ на мгновение замерла, списывая странное ощущение на собственное смущение.

Она кивнула и, не придавая этому значения, вернулась вместе с Цэнь Лубай в дом. Пельмени Чжоу-ма как раз успели к столу. Перекусив, они вместе отправились обратно в усадьбу Цэнь на закате.

То ли из-за того, что удалось выспаться и восстановить силы, дорога обратно в усадьбу Цэнь на горе Бэйшань показалась Цзян Чжаосюэ легкой, усталость как рукой сняло.

Цэнь Лубай, поглядывая на неё украдкой, едва заметно улыбнулась.

Когда машина въехала на территорию усадьбы, всё вокруг было уже украшено. Главный особняк сиял огнями, на площадке расставили фигурки животных — символы года, которые так нравились детям, и теперь малышня, размахивая бенгальскими огнями, носилась вокруг них.

Наконец-то появилось праздничное настроение.

Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай, стараясь не задеть бегающих детей, направились в гостиную. Близились время ужина, и банкетный зал был уже полон, там присутствовал даже Цэнь Хаоши.

Увидев их, он небрежно бросил:

— Только что Яояо звонила, спрашивала, скоро ли вы вернетесь.

Цзян Чжаосюэ занервничала, но Цэнь Лубай ответила невозмутимо:

— По дороге были пробки.

Цэнь Хаоши не стал углубляться в расспросы, а Цэнь Яо, внимательно следившая за атмосферой, помахала им рукой:

— Сестра, невестка, попробуйте закуски, дедушка специально для вас оставил.

Цэнь Хаоши смягчил выражение лица и не стал возражать.

Окружающие тут же заулыбались, наперебой расхваливая доброту и заботу Цэнь Хаоши о младших — неудивительно, что он велел отложить для них порции.

Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай изобразили умеренную радость и благодарность.

В зале стоял гул голосов, царила атмосфера семейного благополучия и гармонии.

В семь часов начался праздничный ужин в честь кануна Нового года. За тремя столами не было свободных мест. Цэнь Хаоши занял главное место. Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай сидели рядом, через одну от Чжуан Синьюнь, а справа от Цэнь Лубай расположились тётя и Цэнь Тин. По традиции Цэнь Хаоши произнес вступительную речь, подводя итоги года для семьи и корпорации Бэйна, и отметил тех, кто внес выдающийся вклад, особо выделив Цэнь Лубай и Цэнь Тин. Однако по формулировкам было ясно, что похвала в адрес Цэнь Тин звучала куда весомее, и слова одобрения были адресованы только ему — это заметили все.

Весь стол принялся льстить, Цэнь Тин изображал скромность и сдержанность, а его мать сияла от гордости.

Цзян Чжаосюэ украдкой взглянула на Цэнь Лубай.

Та, придерживая тонкими пальцами бокал с вином, слегка покачивала его. На губах играла легкая улыбка, выражение лица оставалось спокойным и невозмутимым, как и всегда. Казалось, её это ничуть не задело, и Цзян Чжаосюэ немного успокоилась.

Ужин продлился почти час. Наконец, Цэнь Хаоши вытер руки салфеткой и, объявив, что удаляется наверх, позволил остальным отдыхать по своему усмотрению.

Гости закончили трапезу и начали расходиться. Дети, словно получив свободу, с визгом выбежали наружу, а старшее поколение потянулось в комнату для игр.

Цэнь Яо знала, что Цзян Чжаосюэ не любит подобные сборища, и, не дожидаясь знака от Цэнь Лубай, сама взяла на себя роль защитника, чтобы старшие не докучали невестке:

— Тетя, невестка уже занята, мы собираемся поиграть в настолки, так что не отвлекайте её.

Она сложила руки в умоляющем жесте, выглядя при этом очень мило и покорно.

Тетя рассмеялась и, конечно же, не стала настаивать, отпустив даже Цэнь Лубай.

Как только тетушки ушли, Цэнь Яо тут же изменилась в лице и, хихикая, стала напрашиваться на похвалу у Цэнь Лубай:

— Сестра, смотри, я для тебя горой стою, защищаю от всех напастей. Может, в этом году мои «новогодние деньги» будут чуточку побольше?

Она качалась из стороны в сторону, переходя на манерный говор.

Цзян Чжаосюэ не удержалась от смеха.

Цэнь Лубай осталась невозмутима:

— Тогда найди ещё двоих.

— А?

— Для настольной игры, — лаконично ответила Цэнь Лубай.

Цэнь Яо удивилась:

— Ты правда будешь играть? — Она с сомнением посмотрела на Цзян Чжаосюэ: — Невестка умеет?

Цэнь Лубай взглядом спросила Цзян Чжаосюэ, приглашая её:

— Там легко освоиться.

Цзян Чжаосюэ почему-то поверила ей. В любом случае, она всё равно не могла сейчас пойти вверх заниматься документами, поэтому кивнула:

— Я не умею, но готова попробовать.

Цэнь Лубай мягко улыбнулась, а Цэнь Яо, не теряя времени, тут же притащила двух двоюродных сестер подходящего возраста, и все вместе они отправились в пустую игровую комнату.

Они выбрали классическую стратегическую игру на аукцион. Правила были не слишком сложными, и Цзян Чжаосюэ довольно быстро всё поняла.

Ставки, аукцион, подсчет очков.

Цзян Чжаосюэ поначалу казалось, что это сложно, но в процессе она втянулась.

Цэнь Яо была мастером болтовни, в таких играх она чувствовала себя как рыба в воде, то и дело подставляя остальным ловушки, подначивая их и заставляя смеяться, пока те, не замечая, попадались в её сети. Лишь Цэнь Лубай всё время хранила легкую улыбку, оставаясь спокойной и наблюдая со стороны.

Четыре раунда пролетели незаметно, и Цзян Чжаосюэ даже не поняла, как игра закончилась.

При подсчете активов Цэнь Лубай оказалась на первом месте, Цэнь Яо — на втором, а Цзян Чжаосюэ — на последнем.

Цзян Чжаосюэ закрыла лицо руками, начиная подозревать, что она просто «черная дыра» в играх.

Цэнь Яо, заливаясь смехом, решила подлить масла в огонь:

— Так не пойдет, играть совсем не азартно. Давайте добавим наказание или награду, а?

— Давайте сыграем в «правду или действие», победитель может потребовать от проигравшего выполнить любое желание, как вам?

Две другие сестры, будучи азартными девчонками, тут же захлопали в ладоши.

Цзян Чжаосюэ занервничала и инстинктивно посмотрела на Цэнь Лубай.

Та тоже смотрела на неё, в глазах плескалась нежность. Цэнь Лубай наклонилась ближе, и её голос прозвучал совсем тихо:

— Смотри на меня.

Её дыхание было подобно аромату орхидеи.

<http://bllate.org/book/18697/1807091>